

УДК 82.09 (=511.131)

ТЕМА РОБОСТИ В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ АШАЛЬЧИ ОКИ

А. В. Камитова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

На примере стихотворения «Возытлыг» («Робость») первой удмуртской поэтессы Ашалчи Оки раскрывается тема робости. Поэтесса предлагает читателям свое понимание одной из типичных черт удмуртов, истоки которой уходят в глубокую древность. Через изображение индивидуальной особенности лирической героини в целом поэтесса передала характерную черту удмуртской национальной ментальности, сформированную под воздействием природных и социокультурных факторов. В художественном изображении модели поведения героини, на наш взгляд, совместились представления мифологические, культурно-этнические, психологические и медицинские, связанные с духовным и жизненным опытом самой поэтессы, ее национальным психотипом.

Ключевые слова: удмуртская литература; лирическая эмоция; ментальная категория; лирическая героиня; стереотип; мировоззрение.

A. V. Kamitova. THE TOPIC OF “SHYNESS” IN A POEM BY ASHALCHI OKI

The theme of shyness is explored while analyzing the poem *Shyness (Voz'ytyk)* by the first Udmurt poetess Ashalchi Oki. She provides readers with her own understanding of one of the distinguishing features of the Udmurts. Exhibiting individual characteristics of the lyric character the poet shows a peculiarity of the Udmurt mentality which was influenced by natural, social and cultural factors. The state of shyness in the artistic work reflects mythological, cultural, ethnical, psychological, and medical conceptions.

Keywords: Udmurt literature; lyric emotion; mental category; lyric character; stereotype; world view.

Ашалчи Оки – псевдоним Акилины Григорьевны Векшиной (1898–1973), основоположницы удмуртской литературы. На сегодняшний день ее имя прочно вписано в контекст удмуртской женской поэзии «первой волны». По наблюдениям Л. П. Федоровой, «удмуртская женская литература <...> представлена тремя волнами, в которых четко обозначены следующие периоды: 1920–30-е гг. (Ашалчи Оки, Мария Баженова <...>), 1960-е (Степанида Иванова, Лидия Чернова, Алевтина Аникина, Юлия Байсарова, Людмила Хрулева и пр.), 1980–90-е (Людмила Кутянова,

Татьяна Чернова, Галина Романова...)] [Федорова, 2002. С. 155]. Тема робости в лирическом наследии Ашалчи Оки реализовала себя как особый способ репрезентации этнонационального своеобразия. Художественная философия поэтессы выстроена на субъективном восприятии той или иной жизненной ситуации, благодаря которому переданы глубинные черты удмуртской национальной ментальности. Посредством избранного ракурса анализа проясняется психотип лирической героини, близкий и самому биографическому автору. В литературоведении

под термином «биографического автора» установилось понимание определенного реального человека, эмпирической личности, собственно писателя, наделенного своей биографией, внутренним обликом и внеположного произведению [Корман, 1972. С. 8–19].

Поэтическое наследие Ашальчи Оки сравнительно невелико. Еще в годы учебы в Казани ею был подготовлен сборник, задуманный под названием «Чыртыгыш» («Бусы/ожерелье/монисто»), но по рекомендации Кузубая Герда сборник вышел под названием «Сюрес дурын» («У дороги») в 1925 году в Москве. Кузубай Герд был очень взволнован тем, что публикация сборника Ашальчи Оки не вызвала резонанса в обществе: «Прошло уже два года, как книга вышла, а о ней никто и рецензии даже не пишет» [Герд, 1997. С. 311]. Возможно, это послужило одним из поводов для перевода ее стихов Кузубаем Гердом. Так, в 1928 г. в Глазове вышла книга стихов этой удмуртской поэтессы в переводах на русский язык. По впечатлениям К. Герда, книга открыла читателям «доселе неизвестный мир переживаний» удмуртской девушки [цит. по: Ашальчи Оки, 1928. С. 2]. В качестве материала исследования выбрано стихотворение Ашальчи Оки «Возьытлыг», которое вошло в данный сборник ее стихов, в цикл «Вуж улон» («Старая жизнь»):

Поэтесса Ашальчи Оки
(Акилина Григорьевна Векшина)

Возьытлыг

Возьдаськись удмурт ныллы сйзьисько

Вань висён дуннейын –
Туж урод со висён:
Возьытлыг солы ним
Удмурт'ёс понйллям.
 Ог вамыш кылытэк
 Мон сьöрын со ветлэ,
 Туж уно малпамме
 Вератэк но кельтэ.
Кыл сярысь, верало:
Вань мынам матынэ,
Туж визьмо со муртэ,
Туж чебер малпанэ.
 Кöче но чебересь
 Лйятон кыл'ёсме
 Мон солы лушкемен
 Верасал ог жытэн.
Уг, уг лу вераме
Одйгзэ но кылме:
Возьытлыг висёнэ
Мон вöзын вамыштэ –
Вань веран кыл'ёсме
Герзаса со куштэ.

Стыдливость

Посвящаю стыдливой удмуртской девушке

Есть болезнь на свете –
Очень скверная болезнь:
Стыдливость ей имя
Удмурты дали.
 Ни на шаг не отставая,
 Она за мною ходит,
 Очень многие задумки
 Оставляет несказанными.
Например, расскажу:
Есть у меня близкий [человек],
Очень умный этот мой человек,
Очень красивая мысль.
 Каких только красивых
 Сладких слов
 Я ему тайком
 Наговорила бы однажды вечером.
Нет, не могу произнести
Ни одного слова:
Моя болезнь стыдливость/робость/
 скромность/стеснительность
Рядом со мной шагает –
Все мои слова, которые надо сказать,
Завязывая в узел, она отбрасывает.

Тани, вань эш'ёсы
 Ульчайын юмшало:
 – Ойдо тон но, – шуса,
 Сьоразы туж ётё.
 – Ыок, уг юмша, – шуса,
 Эш'ёсме келясько,
 Пересь мурт кадь, огнам
 Мон корка кылисько.
 – Тумошо тон Аннок, –
 Эш'ёсы верало:
 – Мылкыдыд пересьмем
 Сюлэмед из луэм.
 – Из ёвёл сюлэмы,
 Яратон эш'ёсы,
 Пересьмем но ёвёл
 Та пинал мылкыды:
 Тйлесьтыд но уно
 Юмшасал, шудысал,
 Шудысал, эктысал
 Эрыке-ке лусал...
 Эрыкме возытлыг
 Олокытчы кариз,
 Мылкыдме но йонтэм
 Жылиен думылйз...¹
 [Ашальчи Оки, 1925. С. 12–14].

Вот мои друзья
 На улице веселятся:
 – Пойдем и ты, – говорят,
 За собой зовут.
 – Нет, не буду гулять, – отвечаю,
 Провожая друзей,
 Как старушка, одна
 Я дома остаюсь.
 – Смешная ты, Анна, –
 Отвечают мои друзья:
 – Настроение у тебя состарилось,
 Сердце камнем стало.
 – Сердце мое не камень,
 Любимые друзья,
 И не состарилось
 Мое настроение:
 Больше вас
 Я веселилась бы, играла бы,
 Играла бы, плясала бы,
 Если б свобода была...
 Свободу стыдливость
 Куда-то подевала,
 И настроение проказница
 Цепью заковала...⁴

В представленном тексте тема робости репрезентирована особенно ярко. По наблюдениям Л. П. Федоровой, в первом и последнем сборнике Ашальчи Оки «Сюрес дурын» прослеживается рука Кузубая Герда, его творческий почерк. Даже стихи расположены по такому же принципу, как в сборнике самого Герда «Крезьчи» («Гусляр»): не в хронологическом порядке, а в тематическом [Федорова, 2013. С. 3]. Слово «*возытлыг*» включает в себя разные значения (стыдливость, застенчивость, робость, скромность, стеснительность) и разное понимание (чувство, эмоция, состояние, ощущение, качество и т. п.). В сноске слов, трудных для понимания («Шуг валано кыл'ес» – «Трудные для понимания слова»), поэтесса дает следующее объяснение данному слову: *стыдливость*. Исходя из этих соображений, перевод Ашальчи Оки мы выносим в качестве доминанты в череде синонимов. Предполагаем, что слово «*возытлыг*»² могло быть придумано самой поэтессой от слова «*возыт*» 'стыд, совесть'³. Думается, это был не случайный жест Ашальчи Оки: культурно-

исторические предпосылки могли определить принципы ее поведения. Как известно, проводимые на рубеже XIX–XX вв. удмуртским национальным движением мероприятия были направлены на просветительскую работу: интеллигенция ставила перед собой и перед народом ряд проблем, одной из главных среди которых была проблема развития удмуртского языка и литературы. Кузубай Герд, друг и соратник Ашальчи Оки, один из инициаторов культурно-исторических преобразований, обращался к народу: «Сегодня перед нами стоит очень важная задача. Это – создание новых удмуртских слов»⁵ [Герд, 1928. С. 19]. Сам Кузубай Герд активно занимался процессом словопроизводства⁶, и в числе созданных им неологизмов с использованием креативных возможностей родного языка было немало слов, выражающих национально-этнические особенности народа⁷.

¹ Орфография автора в цитируемом стихотворении сохранена.

² Современное написание: *возытлык*.

³ Удмуртское слово «*возыт*» 'стыд' восходит к финно-пермской основе *waś «Scham, Schande; sich schämen» ('стыд; стыдиться' – пер. с нем. А. К.) [UEW, 1988. С. 808].

⁴ Подстрочный перевод стихотворения Ашальчи Оки «Возытлыг» сделан автором статьи.

⁵ Приводим цитату Кузубая Герда в оригинале: «Та водес асьмелэн азямы нырысь ик таће туж бадзым уж сылэ. Со – виль удмурт кыл'ёсыз кылдытон» [Герд, 1928. С. 19].

⁶ Подробнее о словотворчестве Кузубая Герда см. [Герд, 1928. С. 19–21].

⁷ К примеру, им было образовано слово «*удмуртлык*», обозначающее, по нашему мнению, «национальную идентичность» (в «Удмуртско-русском словаре» это слово переведено как «удмуртская ментальность» [УРС, 2008. С. 682]).

необходимым качеством, эталоном поведения; нарушение его в удмуртском обществе воспринималось крайне негативно и обычно характеризовалось выражением «бессовестный/бесстыжий человек» (*возьыттэм, сурон бам* 'кожаная личина / человек без личины', *гоно бам* 'волосатое лицо'). Психологические установки были направлены на регулирование поведения человека в обществе. Но безропотное соблюдение принятых правил поведения ограничивало способность самовыражения. Это душевное переживание и стало предметом лирического высказывания в стихотворении Ашальчи Оки.

В тексте реализуется понимание робости как болезни, которая определяется поэтессой эпитетом с несколькими оттенками: скверный/плохой/злой/злостный (*урод*), указывающим на ее негативную и разрушительную функцию. Болезнь эта персонифицирована и уподоблена живому существу с особой физиологией поведения. Она может ходить, запутывать слова, лишать свободы, заковывать цепью настроение/волю человека: 'Моя болезнь робость / Рядом со мной шагает – Все мои слова, Запутывая/завязывая в узел, она отбрасывает'; 'Свободу робость Куда-то подевала, И настроение/волю проказница Цепью заковала...'. Болезненное состояние героини предстает в эфемерном облике; оно невидимо, размыто, не имеет формы и каких-либо очертаний. В этом прослеживается мифологическое осмысление робости как болезни. Как известно, удмуртами «заболевание чаще всего воспринималось как некое невидимое существо, поражающее человека» [Панина, 2012. С. 43–44]. К примеру, священник К. Сатрапинский отмечал, что удмурты, бесермяне да и сами русские все болезни представляют «какими-то живыми, невидимо ходящими существами» [цит. по: Луппов, 1911. С. 265]. В рассматриваемом тексте изображение болезни как существа без плоти близко традиционному мировоззрению.

Ашальчи Оки выявила деструктивную природу робости, энергетическое воздействие которой вносит дисгармонию в мир лирической героини. Невидимый недуг психологически поражает ее. Разрушительная природа робости проявлена в тексте через жизненные ситуации и межличностные отношения. Так, в любовной истории робость героини сковывает ее чувства: 'Нет, не могу произнести Ни одного слова <...> Моя болезнь стыдливость/робость/скромность/стеснительность Все мои слова, Запутывая/завязывая в узел, она отбрасывает'. Этот недуг разрушает любовь.

В восприятии друзей поведение главной героини тоже аномально: 'Настроение/воля у тебя

состарилось/постарело, Сердце камнем стало'. Навязанный традицией культурный стереотип ограничивает свободу самовыражения героини, но внутреннее ее состояние не меняется, и самые сокровенные мечты и нежные чувства живут в ней, их доверяет поэтесса читателю.

Представления о робости как о болезни раскрываются через последствия этого недуга. Лирическая героиня испытывает нравственные и психические страдания, выраженные в чувстве дискомфорта, ущербности, подавленности, отчаяния – вследствие ограничения/отсутствия свободы. Внутренняя несвобода героини отражена в ее поведении:

Больше вас
Я гуляла/веселилась бы,
играла бы,
Играла бы, плясала бы,
Если б воля/свобода /
независимость была...

Ощущение робости ассоциируется у Ашальчи Оки со скованностью, связанностью цепями: лирическая героиня внутренне ограничена психологической установкой, мешающей ей быть свободной в проявлении чувств:

<...> Волю/свободу /независимость
робость /застенчивость/стыдливость /
скромность/стеснительность
Куда-то подевала,
И настроение/волю
бесшабашная/плохая/проказница
Цепью заковала...

Мотив робости не ограничивается у Ашальчи Оки одним стихотворением¹. Проходя через все ее творчество, он перерастет в поведенческую позицию поэтессы, что выразится в ее сознательном отказе от творчества [подробнее об этом см.: Серова, 2014. С. 12–25]. В творческом и жизненном опыте Ашальчи Оки ментальная категория «робость» реализовалась по-разному. Деструктивная ее сторона образно воплотилась в лирике, а поведенчески этот женский стереотип был преодолен активной и мужественной деятельностью врача Ашальчи Оки в до- и послевоенное время, но особенно – на фронте Великой Отечественной войны.

Источники и литература

Ашальчи Оки. Возьытлыг // Ашальчи Оки. Сюрес дурын. Кылбур'ес. М., 1925. С. 12–14.

¹ См., например: «Ой, шулдыр ук, шулдыр ульчайын» («Ой, красиво, красиво на улице»), «Ку меда адзиськом» («Когда мы встретимся»), «Салам» («Привет») и др.

Ашальчи Оки. О чем поет вотячка. Стихи. С вотяцкого перевел Кузубай Герд. Глазов: Издание Московского Общества по Изучению Вотяцкой Культуры, 1928. 30 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Отв. за вып. Г. А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.

Владыкин В. Е., Христоролюбова Л. С. Этнография удмуртов: Учеб. пособие. Ижевск: Удмуртия, 1991. 160 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній / Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. Казань: Типографія А. А. Коковиной, 1880. 190 с.

Герд К. Виль удмурт кыл'ес // Кенеш. 1928. № 15. С. 19–21.

Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф. К. Ермакова. Ижевск: Удмуртия, 1997. 336 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т. 3. П–Р. СПб.; М., 1914. Стб. 1689–1690.

Даль В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т. 4. С–Я. СПб.; М., 1914. Стб. 602–604.

Зверева Т. Р. Удмуртские культурные сценарии: воздаськон // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы междунар. науч.-практ. конф. 25–28 окт. 2005 г. Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 297–310.

Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.

Луппов П. Н. Материалы для истории христианства у вотяков въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка: Губернская Типографія, 1911. 318 с.

Панина Т. Магия слова в народной медицине удмуртов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Ижевск, 2012 // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, оп. 2-Н, д. № 1628. 282 с.

Серова М. В. Поэтика «отказа» в творческом поведении Ашальчи Оки // *Серова М. В., Кадочникова И. С.* Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии. (Академический час. Вып. 3). Ижевск, 2014. С. 12–25.

Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1890. 308 с.

Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / РАН УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др. Отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с. (в тексте – УРС).

Удмуртский фольклор. Пословицы, афоризмы, поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 279 с.

Федорова Л. П. Кылы быре... // Удмурт дунне. № 021. 19 марта. 2013. С. 3.

Федорова Л. П. Краткая история удмуртской женской литературы // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: Учеб. пособие. Ижевск, 2002. С. 155–168.

Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 300 с.

UEW – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II. finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. 603–906 s.

Поступила в редакцию 10.06.2015

References

Ashal'chi Oki. Voz'ytylyg [Shyness]. Ashal'chi Oki. Sjures duryyn. Kylbur'jos [By the side of the road. Collection of poems]. Moscow, 1925. P. 12–14.

Ashal'chi Oki. O chem poet votjachka. Stihy [What are the Udmurt girls singing about. Poems]. S votjackogo perevel Kuzebaj Gerd. Glazov: Izdanie Moskovskogo Obshhestva po Izucheniju Votjackoj Kul'tury [Transl. Kuzebaj Gerd. Glazov. Ed. of Moscow society for the study of Votyaks culture], 1928. 30 p.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskago jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg; Moscow, 1914. Vol. 3. Cols. 1689–1690.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskago jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg; Moscow, 1914. Vol. 4. Cols. 602–604.

Fedorova L. P. Kyly byre... [Words with the ends]. Udmurt dunne. No 021. March 19. 2013. 3 p.

Fedorova L. P. Kratkaja istorija udmurtskoj zhenskoj literatury [A brief history of the Udmurt women's literature]. Dvizhenie jepohi – dvizhenie literatury. Udmurtskaja literatura XX veka: Uchebnoe posobie [The movement of

an era – the movement of literature. Udmurt literature of the 20th century. Textbook]. Izhevsk, 2002. P. 155–168.

Gavrilov B. Proizvedenija narodnoj slovesnosti, obrjady i pover'ja votjakov Kazanskoj i Vjatskoj gubernij [Folk literature, rites and beliefs of the Votyaks in Kazan and Vyatka province]. Zapisany, perevedeny i izlozheny Borisom Gavrilovym vo vremja ego komandirovki v Votjackija selenija Kazanskoj i Vjatskoj gubernij [Collect., transl., ed. by Boris Gavrilov during the expedition to the Votyak settlements in the provinces of Kazan and Vyatka]. Kazan'. Tipografija A. A. Kokovinoj, 1880. 190 p.

Gerd K. Vil' udmurt kyl'jos [The new Udmurt words]. Kenesh. 1928. No 15. P. 19–21.

Gerd K. O nei ya pesn' poyu...: Stikhi i poemu, stat'i i nauchnye raboty, pis'ma [She is the one I am singing the song for... Verses and poems, articles and scientific works, letters]. Comp., auth. of the preface and comments F. K. Ermakova. Izhevsk: Udmurtiya, 1997. 336 p.

Korman B. O. Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedenija [Textual study of a literary composition]. Moscow: Prosveshhenie, 1972. 110 p.

Lupпов P. N. Materialy dlja istorii hristianstva u votjakov v pervoj polovine XIX veka [Materials for the history

of Christianity of the Votyaks in the first half of the 19th century]. Vjatka: Gubernskaja Tipografija, 1911. 318 p.

Panina T. Magija slova v narodnoj medicine udmurtov [Magic of words in Udmurt folk medicine]: dis. ... kand.filol. nauk [Ph. D. Diss. (Philol.)]. *Rukopisnyj fond Nauchno-otraslevogo arhiva Udmurtskogo instituta istorii, jazyka i literatury UrO RAN* [The fund of manuscripts of scientific and sectoral archive of the Udmurt institute of history, language and literature, UB RAS]. Izhevsk, 2012. op. 2-N, d. No 1628. 282 p.

Serova M. V. Pojetika «otkaza» v tvorcheskom povedenii Ashal'chi Oki [The poetics of rejection in the creative behavior of A. Oki]. *Serova M. V., Kadochnikova I. S. Problema kul'turno-istoricheskoj identichnosti v literature Udmurtii. (Akademicheskij chas)* [The problem of cultural and historical identity in Udmurt literature (Academic hour)]. Izhevsk, 2014. Iss. 3. P. 12–25.

Smirnov I. N. Votjaki [Votyaks]. Kazan', 1890. 308 p.

Shkljaev G. K. Oчерki jetnicheskoj psihologii udmurtov [Essays on ethnic psychology of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury UrO RAN, 2003. 300 p.

Udmurtsko-russkij slovar': ok. 50 000 slov [Udmurt-Russian dictionary; about 50 000 words]; Comp. T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin et al. Ed. L. E. Kirillova. Izhevsk: RAN UrO. Udm. in-t IYaL, 2008. 925 p. (in text – URS).

Udmurtskii fol'klor. Poslovitsy, aforizmy, pogovorki [Udmurt folklore: proverbs, aphorisms and sayings].

comp. T. G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtiya, 1987. 279 p.

Vereshhagin G. E. Sobranie sochinenij: Votjaki Sosnovskogo kraja [Collected works: Votyaks of Sosnovskiy region]. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 1995. Vol. 1. 260 p.

Vladykin V. E., Hristoljubova L. S. Jetnografija udmurtov: Uchebnoe posobie [The ethnography of Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija, 1991. 160 p.

Vladykin V. E. Religiozno-mifologicheskaja kartina mira udmurtov [Religious and mythological world view of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija, 1994. 384 p.

Zvereva T. R. Udmurtskie kul'turnye scenarii: voz'das'kon [Udmurt cultural scripts: oppression]. *Problemy i perspektivy funkcionirovanija rodnyh jazykov. K 85-letiju gosudarstvennosti Udmurtskoj Respubliki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 25–28 oktjabrja 2005 g.* [Problems and perspectives of indigenous languages. To the 85th anniversary of the Udmurt Republic statehood: Proceedings of the international scientific and practical conference. October 25–28, 2005]. Izhevsk: Udmurtija, 2006. P. 297–310.

UEW – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II. finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. P. 603–906.

Received June 10, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Камитова Алевтина Васильевна

и. о. зав. отделом филологических исследований, к. фил. н. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртская Республика, Россия, 426004

эл. почта: akamitova@mail.ru

тел.: 8 (3412) 687322

CONTRIBUTOR:

Kamitova, Alevtina

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural branch, Russian Academy of Sciences
4 Lomonosov St., 426004 Izhevsk, Russia

e-mail: akamitova@mail.ru

tel.: 8 (3412) 687322